

А. Г. МИТРОШКИНА

ГОВОР КАЧУГСКИХ (ВЕРХОЛЕНСКИХ) БУРЯТ

Носителем исследуемого говора является бурятское население верховья долины реки Лены. На юге этот говор граничит с эхирит-булагатским говором. Правда, резкую границу между ними установить трудно, так как жители ряда улусов смежной полосы, расположенной у истоков реки Манзурки, левого притока Лены, говорят на эхирит-булагатско-качугском говоре.

В улусах Тукум, Холбот, Минзан, Шардай, Горхон, Старый Хогот, Хайзаран (Баяндаевский район) одновременно бытуют качугские слова — *аршаха* (стереть), *согдо һөхө* (топор-колун), *нахишаха* (молотить), *намнаха* (кидать, швырять), *зошон* (гость), *ехэ* (большой), *махтар* (дом) и эхирит-булагатские — *арлигха*, *тообгой* (или *сонхор*) *һөхө*, *сохиho*, *ообордохо*, *азшан*¹, *мандагар*, *тура* с теми же значениями. В этих улусах иногда употребляются слова, не характерные для смежных говоров. Например: *соол* (печь) вместо качугского *пезэ* и эхирит-булагатского *бээ жэ*, *хаянтар* (маленький котелок) вм. *зантуу* и др.

В звуковом составе слов здесь имеют место черты, свойственные эхирит-булагатскому говору, например, употребляются звуки *y*, *x*, *h*, соответствующие качугским *o*, *b*, *d*: говорят *угаа* вм. качугского *огоо* (очень, чрезмерно), *хамбаэ сэсэг* вм. *бамбаэ сэсэг* (одуванчик), *дууһаа* вм. *дуудаа* (кончилось). В употреблении согласного *x* вм. эх.-бул. *ш* речь жителей промежуточных улусов совпадает с качугским говором: *тахьяаг* вм. эх.-бул. *ташааг* (курица), *манаэхинда* вм. *манаэшанда* (у нас) и т. п.

В области грамматических категорий язык бурят указанной полосы почти не отличается от исследуемого говора. Например, здесь не встречается эхирит-булагатская форма обращения на *-хтуун*².

Материалы исследования показывают, что язык бурят этих улусов в прошлом был в известной мере един с качугским говором. Обнаруживающиеся расхождения между исследуемым говором и языком бурят группы улусов переходной полосы — результат активного влияния эхирит-булагатского говора со сравнительно недавнего времени. Вместе с тем нельзя пренебрегать этим влиянием, так как интересующие нас населенные пункты входят в Баяндаевский административный район, значительная часть населения которого говорит на эхирит-булагатском говоре.

¹ Сочетанием *аэ* обозначаем передний гласный нижнего подъема *a*, близкий английскому *ge* в слове *тар* [*tæp*] (карта).

² Об этой форме см. раздел «Морфологические особенности».

Ясно, что это обстоятельство будет способствовать углублению влияния эхирит-булагатского говора на язык жителей улусов смежной полосы.

Самыми южными точками распространения говора качугских (верхоленских) бурят следует считать улусы Минзан, Шардай, Горхон, Старый Хогот.

На юго-востоке и востоке качугский говор граничит с языком ольхонских бурят, который отличается от описываемого говора как фонетически, так и лексически. Здесь встречаются совершенно чуждые описываемому говору особенности, например, говорят *загуун* (рыба) вм. кач. *загаһан*, *зоодой* (мелкий омуль) и *һаахар хүн* (высокомерный человек, хвастун), которые не известны в качугском говоре и т. п.

С северной стороны качугский говор граничит с эвенкийским языком, носители которого живут в улусах Вершина Тутуры, Зусай, Шивыкан Качугского района.

Естественно-географическая граница изучаемого говора проходит по Березовскому хребту (водораздел между реками Ангара и Лена), Байкальскому хребту, представляющему водораздел бассейнов о. Байкал и р. Лены.

Было бы более правильным интересующий нас говор определить как говор верхоленских бурят. Но в связи с тем, что за последние десятилетия административным центром района стал поселок Качуг, исследуемый говор начали называть качугским говором. Так, в «Кратком русско—бурят-монгольском словаре» Д. А. Абашеева и К. М. Черемисова язык верхоленских бурят назван качугским говором¹. В работе Д. А. Алексеева «Диалекты бурят-монгольского языка» он определяется как язык качугских бурят². В силу традиции и, кроме того, учитывая наличие значительного влияния эхирит-булагатского говора на язык верхоленских бурят, живущих на территории Баяндаевского района, исследуемый говор мы называем говором качугских (верхоленских) бурят.

В пределах Качугского района буряты живут вперемежку с русскими. В этногенетическом отношении основная масса носителей качугского говора считает себя потомками эхиритского племени. Так, по свидетельству Ильи Упхоевича Упхолова³ и Бориса Балдановича Балдынова (уроженца улуса Бохолдой Баяндаевского района), долины верховьев рек Манзурки, Ходонса, Унгурен, Кырмы населяют потомки худагсаганского⁴, абазайского, хэигэлдуровского и кырменского родов; по свидетельству Хамная Бартановича Убогонеева⁵, долины рек Манзурки и Куленги (в нижнем течении) населены потомками шоноевского рода; по долине р. Анги (правый приток р. Лены) и ее притоков живут потомки буровского рода, а в верховьях р. Куленги (левый приток р. Лены) — шарайтовский и ользоновский роды. В улусе Имыкшин (на р. Куленге), живут потомки хэнгэлдуровского рода (куленгские буряты их называют потомками хангажаровского рода)⁶. Род Сэгэнут среди носителей опи-

¹ Д. А. Абашеев и К. М. Черемисов. Краткий русско—бурят-монгольский словарь. Улан-Удэ, Бурмонгиз, 1941, стр. VIII.

² Д. А. Алексеев. Диалекты бурят-монгольского языка. «Уч. зап. ЛГУ, №98 серия востоковедческих наук», вып. 1, 1949, стр. 165.

³ 72 года, родился и жил до 40-х годов в улусе Никилей, в данное время живет в улусе Кайзаран.

⁴ К этому роду мы отнесли и жителей улусов Алан-Балтай и Степно-Балтай, хотя некоторые осведомители иногда причисляют их к хэнгэлдуровскому или к никилейскому роду.

⁵ 78 лет, живет в улусе Хоторгай (р. Анга).

⁶ Сведения о родоплеменном составе куленгских бурят сообщил нам Антон Халтахшинович Амагзаев, 76 лет, уроженец улуса Зулман.

сываемого говора представлен двумя семьями (одна семья живет в улусе Хальске, другая — в поселке Качуг).

В языковом отношении, особенно в фонетической и грамматической системе, потомки указанных родо-племенных групп представляют единый массив. Правда, наблюдаются некоторые расхождения в лексике (см. раздел «Расхождения внутри говора»). Следует, однако, иметь в виду, что некоторые особенности, относимые к описываемому говору, могут обнаруживаться в баргузинском говоре и языке кабанских, ольхонских бурят, среди которых представлены потомки родов шоно и бура¹.

В работе отражены только те моменты из фонетической, морфологической и лексической системы говора, которые составляют отличительные его черты в сравнении со смежным эхирит-булагатским говором и литературным бурятским языком. В этом отношении мы разделяем мнение профессора Г. Д. Санжеева, который писал:

«...Надо вообще считать, что в работах по диалектологии (сравнительной в особенности) главное внимание монографиста должно быть устремлено на установление и разъяснение тех явлений, которые отличают одни наречия или говоры от других, то есть на выявление различий, а не общностей»².

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Звуковая система качугского и эхирит-булагатского говоров и литературного бурятского языка в основном одина. Наблюдаемые своеобразия описываемого говора сводятся, в частности, к следующему.

О вокализме говора

1. Краткая гласная фонема литературного языка (хоринского диалекта) *ү* в качугском говоре реализуется в виде звуков *ө* и *у*. Примеры: *өрө* (дыхательное горло) и *үрэ* (долг; дитя); *өдөхө* (размножаться) и *үдэхэ* (пристегать); *өһөө* (мечь) и *үһээ* (потолок); *хөргөхө* (заморозить, студить) и *хүргэхэ* (сопровождать, провожать) и т. п.

В начальных слогах качугские буряты нередко употребляют фонему *ү* вм. эхирит-булагатских *э* или *ө* или фонему *э* вм. *ө*. Примеры: кач. *үлтэнэг*, лит. *үлтэнэг*, эх.-бул. *энтэлэг* (конопля); кач. *үрэ*, лит. *үри*, эх.-бул. *өрө* (долг, дитя); кач. *зэмэлхэ*, лит. *зэмэлхэ*, эх.-бул. *зөмөлхө* (обвинять); кач. *эмдэхэ*, лит. *эмдэхэ*, *эбдэхэ*, эх.-бул. *өндөхө* (ломать).

В настоящее время исследуемый говор имеет много слов, в которых трудно определить, какой из звуков *ү* и *ө* реализуется. Акустически это средний звук между *ү* и *ө*. Примеры: *өдөр* и *үдэр* (день), *өмдөн* и *үмдэн* (штаны, брюки), *өбөл* и *үбэл* (зима), *дөтө* и *дүтэ* (напрямик).

В результате смешения звуков *ө* и *ү*, а затем «вытеснения» первого вторым появились омонимы: *үргэхэ* (поднимать) и *үргэхэ* (пугаться), *үнэр* (запах) и *үнэр* (благополучно)³.

2. В качугском говоре дифтонги *аз*, *оэ* не бытуют, они реализуются как долгие монофтонги *ä(аэ)*, *ö(оэ)*⁴. Например: *баэна* (стоит), *хаэха* (отсывать), *хуоэно* (на севере, сзади, позади).

¹ См.: Г. Н. Румянцева. Родо-племенной состав верхоленских бурят. «Зап. БМ НИИК». вып. XII и XV, Улан-Удэ, Бурмонгиз, 1951.

² Г. Д. Санжеев. Дархатский говор и фольклор. Л., 1931, стр. 6.

³ Более подробное описание этого звука см.: А. Г. Митрошкина. О некоторых фонетических особенностях говора качугских бурят. «Сб. тр. по филологии», вып. 3, БМ НИИК, Улан-Удэ, 1958, стр. 283—284.

⁴ По техническим причинам фонемы *ä*, *ö* в тексте обозначаем через *аэ*, *оэ*.

3. Звук *ä* (вариант фонемы *a*)¹ в качугском говоре иногда выступает как фонема: ср. *дäбхагар* (толстый, приземистый) и *дäбхагар* (толстый — об одежде); *дäбдал*, но не «*дäбдал*» (короткие волосы на лбу, пушок на лбу).

Значительное своеобразие звуковой системы качугского говора обнаруживается при рассмотрении особенностей реализации фонем. В сравниваемых языковых единицах наблюдаются явления соответствий звуков (фонем), редукции и выпадения их, а также метатезы (перестановка).

Ниже приводятся некоторые материалы об указанных явлениях.

Соответствия гласных мягкого ряда

э || *ү*: кач. *бэрэ*, лит. *бүри* (совсем не); кач. *мэн даа* или *мэнш даа*, лит. *мун даа* (то-то). Иногда в употреблении *ү*, *э* качугский говор совпадает с литературным языком и в то же время расходится с соседним говором, например: кач. *гэдэргэ*, лит. *гэдэргээ*, эх.-бул. *гүдэргээ* (назад); кач. *тэрһэн*, лит. *түрһэн*, эх.-бул. *түрһэн* (икра).

э || *ээ*, *э* || *өө* и *ээ* || *э*: кач. *шэнгэр(һ)эн*, лит. *шэнгээрһэн* (шишка); кач. *хүндэхэ*, лит. *хүндөөхэ* (разбередить рану); кач. *мэдээндэ орхо*, лит. *мэдэлдэ орохо* (подчиняться).

ээ || *өө*, *үү* || *өө*: кач. *үжээхэ*, лит. *үжөөхэ* (сгноить); кач. *үрээр*, лит. *юрөөл* (благопожелание); кач. *үхээшэ(н)* (мертвец, труп), лит. *үхөөшэ* (умерший); кач. *түхрэн*, лит. *түхрөөн* (круглый); кач. *үүхэн*, лит. *өөхэн* (жир, сало).

ээ || *ии* или *ээ* || *ы*. Соответствия между качугским *ээ* и литературным *ии* (или *ы*) падает на непервые слоги: кач. *дүлээ*, лит. *дүлии* (глухой); кач. *дэмээ*, лит. *дэмы* (зря; бредовый); кач. *үгээтээ*, лит. *үгытээ* (бедный, бедняк); кач. *хэлтээхэ*, лит. *хэлтыхэ* (накрениться); кач. *лүнхээжэ*, лит. *лүнхыжэ* (исподлобья); кач. *хэрэнсээ*, лит. *хэрэнсы* (крыльцо).

Частицы отрицания в качугском и смежном с ним эхирит-булагатском говорах имеют одинаковое звучание: *-үгүэ*, *-гүэ* (нет, не) вм. лит. *-үгы*, *-гуй*. Встречаются единичные случаи чередования *и* || *э*, *эйэ* || *ээ*, например, в качугском говоре *ильжэгэн* вм. лит. *элжэгэн* (ишак), *хэйэр*² вм. *хээрэ* (гнедой).

Соответствия гласных твердого ряда

аэ || *аа* || *а*; *аэ* || *ии*, *ä* || *и*, *ä* || *о*: кач. *шаэнаг*, эх.-бул. *шаанаг* (чайник); кач. *маэрха*, эх.-бул. *маараха* (блеять); кач. *ураэхиша*, эх.-бул. *урагша* (вперед, на юг); кач. *арьха*, эх.-бул. *ираха* (листья); кач. *альха*, эх.-бул. *илаха* (победить); кач. *найданда*, эх.-бул. *недондо* (в прошлом году).

В употреблении фонемы *о* вм. лит. *у* качугский и эхирит-булагатский говоры совпадают. Например: кач. *хотьго*, эх.-бул. *хотьго*, лит. *хутага* (нож); кач. *одьгон*, эх.-бул. *одигон*, лит. *удаган* (шаманка); кач. *олом*, эх.-бул. *олом*, лит. *улам* (брод); кач. *олом*, эх.-бул. *олом*, лит. *улам* (подпруга). Иногда фонема *у* качугского и эхирит-булагатского говоров соответствует *о* литературного языка: как в Эхирите, так и в Качуге говорят *шургалжан* вм. лит. *шоргоолжон* (муравей), но: в качугском говоре *гутанан*, в литературном языке — *гутал*, в эхирит-булагатском говоре — *годоһон* (унты).

а || *уу*: кач. *бульжамар*, лит. *булжамуур*, ср. эх.-бул. *бульжамуур* (жаворонок); кач. *адаһан*, лит. *адууһан* (скотина, домашнее животное)

¹ О звуке *a* см.: А. Д. Руднев. Хори-бурятский говор, вып. 1, опыт исследования. Пг., 1913—1914, стр. 1.

² В шаманской поэзии *хээр*.

oo || aa, уу || оо: кач. oгоо, лит. угаа, ср. эх.-бул. угаа (очень, слишком) кач. суулган, лит. соолго (прорубь); кач. суу, лит. соо (насквозь); кач. суулха, лит. соолохо (прорубить);

у || уу: кач. ургаэ, лит. уургай (гнездо); кач. дугаэ, лит. дуугай (молчаливый); кач. мухаэ, лит. муухай, эх.-бул. муухай (некрасивый);

уи || ы: кач. харанхуи, лит. харанхы (темнота, темно, темный); кач. дугуи, лит. дугы (мостик из жердей для пешеходов);

В эхирит-булагатском говоре, так же как и в литературном языке, вместо качугского дифтонга *уи* встречается *ы* (или *ии*), а в окончаниях глагола повелительной формы *-уун*: *харьгии* (дорога), *дугы* (мостик), *худ-гии* (сватья), *хэлэхтүүн* (говорите), *орохтуун* (войдите) вм. кач. *харгуи*, *дугуи*, *худгуи*, *хэлэхтуи*.

В литературном языке в некоторых русских заимствованиях вместо ударного звука *о* употребляется не долгий *oo*, а долгий *өө*, что не характерно для качугского говора. В таких заимствованиях появляется чередование качугского твердорядного *oo* с мягкорядным литературным *өө*: ср. кач. *хосоог* и лит. *хүсөөг* (кусок).

Таким образом, одним из основных расхождений между смежными говорами и литературным языком является наличие соответствий гласных, наблюдаемых внутри фонематических (мягкого и твердого) рядов. Гласные нейтрального ряда *и*, *ии* могут соответствовать гласным как мягкорядным, так и твердорядным.

Редукция и выпадение гласных

В качугском говоре весьма развиты явления редукции и выпадения гласных звуков. Они характерны для определенных звуковых сочетаний. Так, выпадение и редукция гласных зависят от количества слогов, типа конечного слога, а также от характера окружающих согласных звуков.

В некоторых многосложных словах начальный гласный звук, предшествующий слогу с долгим гласным, выпадает. Например: ср. кач. *баатха* и лит. *абаадаха* (унести с собой); кач. *неэхэ* и лит. *энеэхэ* (смеяться); кач. *таархаха* и лит. *атаархаха* (завидовать, зариться). Кроме того, в неполном стиле произношения выпадает начальный гласный в некоторых двусложных словах, например: *дээл* вм. *эдээл* (кушай), *сөөн* вм. *үсөөн* (малочисленный), *рууда* вм. *урууда* (плыви по течению вниз, перен. опускайся).

В качугском говоре встречаются, однако, слова с начальными гласными или конечными открытыми слогами вместо закрытых конечных слогов или начального согласного в литературном языке: кач. *һама*, лит. *һам* (гребень), эх.-бул. *һам*; кач. *таяга*, лит. *таяг* (костыль); кач. *үһэгээ*, лит. *һуғы* (пятка); кач. *иһэгээ*, лит. *һэғы* (войлок); кач. *үһэн*, лит. *һүн* (молоко), эх.-бул. *һүн*.

Метатеза

В описываемом говоре довольно редко встречаются случаи метатезы (перестановки) звуков или слогов. Примеры:

исходное слово	в кач. гов.	в лит. яз.	перевод
<i>хараха</i>	<i>харгатха</i>	<i>харагдаха</i>	(показаться)
<i>үзэхэ</i>	<i>үзэгтхэ</i>	<i>үзэгдэхэ</i>	(появляться)
<i>арилха</i>	<i>арлиха</i>	<i>арилха</i>	(уйти)
<i>дараха</i>	<i>дарлага</i>	<i>даралга</i>	(плашка)
<i>а жаг</i>	<i>а жагалха</i>	<i>а жаглаха</i>	(примечать)

Отклонения системы консонантизма качугского говора от литературного языка, как и особенности системы гласных звуков, сводятся в основном к позиционному своеобразием, наличию соответствий звуков первого звука второго. Иными словами, отклонения не носят физиолого-акустического характера, что приводит к различию языков, но не к различию между отдельными говорами одного и того же языка, или между территориальным говором и литературным языком.

В описываемом говоре в начале слова употребляются все согласные, за исключением *ж*, *нг*, *р*: *болдогор* (выпуклый), *бухал* (копна), *гэр* (дом), *дотор* (кишечник), *зудан* (тайга), *ласхагар* (толстый — о фигуре человека), *маади* (ребенок), *моэһон* (черемуха), *ноэр* (сон), *саламдаэ* (неуклюжий), *тасхааг* (несъедобный гриб), *шороз* (пыль), *харэ талхан* (зерно), *хохор* (подслеповатый).

В качугском говоре звук *й* употребляется вместо начального *ж* или *з* литературного языка. Например: в кач. *йараахаэ*, в лит. *жараахай* (малышка); в кач. *йэрбэгэр*, в лит. *жэрбэгэр* (прямой, стройный); в кач. *йолбо*, в лит. *жоолоб* (желоб); в кач. *йолоо*, в лит. *жолоо* (повод, узды); в кач. *йороо*, в лит. *жороо* (иноходец); в кач. *йүһэн*, в лит. *зүһэн* (масть, вид).

В употреблении звука *й* в начальной позиции между смежными говорами имеются расхождения. Так, в м. эк.-бул. *й* в качугском говоре иногда употребляется *ж*: качугские буряты, например, говорят, *жаалда* (или *жаабара*), эхиритские — *йаалда* (о, жалы!). Кроме того, в качугском говоре в начальной позиции может употребляться звук *й*, тогда как в лит. яз. и эк.-бул. говоре — *д*: кач. *йэбдэхэ*, лит. *дэбдихэ*, эк.-бул. *дэбдэхэ* (постелить); кач. *йэпхэр*, лит. *дэбдихэр*, эк.-бул. *дэбдэхэр* (постель); кач. *йэндэхэ*, лит. *дүндыхэ* (быть вытянутым кверху, торчать).

Начальному *й* качугского говора изредка в литературном языке соответствует звук *н*: качугское сочетание *йэптэ норхо* (насквозь промокнуть) соответствует литературному *нэптэ норохо* с тем же значением.

Звук *й* качугского говора соответствует согласному звуку *г* непервого слога литературного языка: кач. *эсэийэ*, лит. *эсэнги* (усталый); кач. *һөөлдэнийэр*, лит. *һөөлдэнгир* (хриплый); кач. *занйалаа*, лит. *зангилаа* (узел); кач. *дольйоон*, лит. *долгин* (волна).

Как видно, в употреблении среднеязычного звука *й* качугский говор отличается не только от литературного языка, но и от эхирит-булагатского говора.

Другие соответствия согласных. *м* || *б* или *б* || *м*: кач. *шалмааг*, лит. *шалбааг* (лужа), кач. *модон гахаэ*, лит. *бодон гахай* (дикий кабан); кач. *йүүм гэхэдэ*, лит. *юуб гэхэдэ* (ибо, так как); кач. *лаба*, лит. *лама* (лама).

В эхирит-булагатском говоре фонема *ш* употребляется вместо *х* качугского говора и литературного языка: кач. *тахьяаг*, лит. *тахьяа*, эк.-бул. *ташаа* (курица); кач. *тамхин*, лит. *тамхин*, эк.-бул. *тамшан* (табак); кач. *мульхихэ*, лит. *мулхихэ*, эк.-бул. *мульшэхэ* (ползать).

Иногда вместо качугского звука *х* в эхирит-булагатском говоре употребляют звуки *с* или *г*: эк.-бул. *үсибүүн* в м. кач. *үхибүүн* (ребенок), эк.-бул. *арся* в м. кач. *архи* (вино), эк.-бул. *гасууран* в м. кач. *хасуурһан* (ель);

х || *г*, *х* || *б*: кач. *хагнаха*, лит. *гагнаха* (паять); кач. *хотирхо*, лит. *годирхо* (извиваться); кач. *үхшэхэ*, лит. *үбшэхэ* (пороть, сдирать шкуру);

с || *ш* или *ш* || *с*, *ш* || *һ*: кач. *сархи*, лит. и эк.-бул. *шархи* (лапоть);

кач. *шолсохсэ*, лит. *солоохой*, эх.-бул. *шолоохой* (щель); кач. *шошхо*, лит. *сошоло*, эх.-бул. *сошхо*, (вздвогнуть); кач. *шүүшэ*, лит. *һүүшэ*, эх.-бул. *шүүшэ* (долото);

с || *т*: кач. *хүрсэр*, лит. *хүрэтэр* (вплоть, до); кач. *хонхоэсор*, лит. *хонхойтор* (до появления углубления); кач. *улаэсар*, лит. *улайтар* (докрасна); кач. *нилсаэсар*, лит. *нилсайтар* (до размягчения);

н || *м*, *н* || *й*: кач. *оэн наэтха*, лит. *дам найдаха* (передоверять); кач. *нимаан*, лит. *йамаан* (домашняя коза).

В произношении слов *үмдэн* (брюки), *үмдэхэ* (надевать) качугский говор совпадает с литературным языком, расходясь с эхирит-булагатским говором, в котором употребляются *өндөн* и *өндөхө*.

н || *ж*, *м* || *н*: кач. *хэмнэхэ*, лит. *хэмжэхэ*, эх.-бул. *хэмнэхэ* (измерять); кач. *саламдаэ*, лит. *саландай*, эх.-бул. *саландай* (неаккуратный); кач. *мяхан*; лит. *мяхан*; эх.-бул. *няхан* (мясо);

д || *г*, *д* || *т*, *д* || *ш*, *д* || *н*, *т(д)* || *ш*: кач. *дүндэхэ*, лит. *дүнгэхэ*, эх.-бул. *дүнгэхэ* (поддержать); кач. *дааһан*, лит. *гааһан*, эх.-бул. *дааһан* (трубка); кач. *шордоо*, лит. *шортоо*, эх.-бул. *шорто* (зря); кач. *духтарха*, лит. *шухатарха*, эх.-бул. *духтархи* (жаждать; трясти); кач. *дуутха*, лит. *дууһаха*, эх.-бул. *дууһаха* (исчерпывать); кач. *урьдаар*, лит. *урьһаар*, эх.-бул. *урьдаар* (взаймы); кач. *абаатха* (абаадаха), лит. *абаашаха*, эх.-бул. *абаашха* (унести, увести);

з || *о*, *з* || *ж*, *з* || *с*: кач. *газаада*, лит. *гадаада* (наружный, внешний); кач. *зажалха*, лит. *жажалха* (жевать); кач. *зиихэ*, лит. *жиихэ* (вытягиваться); кач. *зами*, лит. *сами* (пах — анат.)

л || *з*, *л* || *д*: кач. *налгаэ*, лит. *назгай* (беспечный); кач. *хорголхо*, лит. *хоргодохо* (спрятаться);

р || *л*, *р* || *б*: кач. *үрүүр*, лит. *үрүүл* (мочалка); кач. *үрээр*, лит. *юрөөл* (благопожелание); кач. *харуур* (зеркало, фуганок), лит. *харуул* (фуганок); кач. *һургаартаэ*¹, лит. *һургаалтай* (образованный); кач. *доржогонуур*, лит. *доржогонуур* (говорун);

т || *д*, *ть* || *д*² кач. *гата(һ)ан*, лит. *гадаһан* (кол); кач. *гүтэ(һ)эн*, лит. *гэдэһэн* (живот); кач. *нэгэтьхэ*; лит. *нэгэдэхи* (первый); кач. *хоёртьхо*, лит. *хоёрдохи* (второй);

р || *рь* или *рь* || *р*: кач. *хурһэн*, лит. *хурьһэн* (почва); кач. *үрэ*, лит. *ури* (долг); кач. *хурьган*, лит. *хурган* (палец); кач. *горхон*, лит. *горьхон* (ручей); кач. *зорьгоороо*, лит. *зоргоороо* (самовольно);

ль || *л* или *л* || *ль*: кач. *нольбохо*, лит. *нёлбохо* (плевать); кач. *бульшархаэ*, лит. *бульшархай* (железо); кач. *мүл(һ)эн*, лит. *мульһэн* (лед).

В смежных говорах встречается чередование *й* || *л*, например, в кач. *борьлохоэ*, в эх.-бул. *борьлоохой* (воробей);

Любопытны расхождения между качугским говором и литературным языком в окончаниях отдельных слов. Например: кач. *тахьяг*, но лит. *тахьяа* (курица); кач. *газаада дүрһэн*, но лит. *газаада дүрсэ* (внешний вид); кач. *хасуурһан*, но лит. *хасуури* (ель); кач. *хүдмэр*, но лит. *хүдэлмэри* (работа); кач. *түй*, но лит. *түйд* (помеха); кач. *оэ*, но лит. *ойн* (ум); кач. *үдэ*, но лит. *үдэн* (птичье перо); кач. *уушха*, но лит. *уушхан* (легкие).

Выпадения согласных

Сравнивая качугские слова с соответствующими словами литературного языка, можно видеть, что в качугском говоре имеет место выпадение

¹ В словах *үрүүр*, *үрээр*, *харуур*, *һургаар* произошла ассимиляция согласных в словообразовательных суффиксах (*л* > *р*).

² Соответствие *ть* || *д* в порядковых числительных приведенного типа обусловлено переходом *д* > *ть* после выпадения гласного элемента перед мягким глуким *х*.

денне согласных или даже целых слогов; кач. *үрмэ(һ)эн* ср. с лит. *үрмэ-дэйэн* (полынь), *узарха* — *угзарха* (дергать), *һазмарал* — *һаймһарал* (лесть), *баруужа* — *баруулжа* (на запад, к западу), *зэбэн* — *зэбгэна* (ленок), *хоор* — *хоёр* (два), *сэмэ* — *сэмбэ* (сукно), *ошооди* — *ошообди* (мы были).

Известный интерес представляет слабая артикуляция качугского интервокального *һ*, особенно в непервых слогах осювы и в формативе исходного падежа. Примеры: *замга'ан* вм. *зумгааһан* (щепки), *хүбүүнэ'эн* вм. *хүбүүнһэн* (от сына своего), *Москва'ан* вм. *Москваһан* (из Москвы). По характеру произношения слов с выпавшим интервокальным *һ* описываемый говор напоминает говор ольхонских бурят. Как и в последнем, в качугском говоре на месте выпавшего *һ* образовывается как бы разрыв между гласными, например: *загу'ун* (рыба). Но стяжения гласных в нем не наблюдается. Иными словами, выпадение *һ* не дает долгого гласного, как в ольхонском говоре. Однако в речи одного и того же носителя говора спирант *һ* может и выпадать, и оставаться.

Иногда выпадает и согласный звук *х*. Так, например, произносят *тиидиимнаэ* вм. *тиихэдиимнаэ* (когда мы поступили таким образом).

Факты чередования звуков внутри говора

В улусах Опхой, Зулман,
Магнан (род шарайтов)

но жондо

дууһаа

айа

манаэшанда

одьрогты (так же у потомков буровского рода по Анге)

гатиp (так же по Анге)

аним

горьхон

бээжэ

В улусах Бурлай, Босогол, Сутай
и др. (шоноевский род)

наданда (в прошлом году)

дуудаа (кончилось)

али (или)

манаэхинда (у нас, у наших)

ожрохтуй (заходите, входите)

гашар (выходи)

алим (который)

горхон (речка)

пээсэ (печка)

У шарайтов, кроме того, наблюдается выпадение переднеязычного носового звука *н* после переднеязычного *т*: *хэлхэтаэм* (говорите же), *барьхатаэм* (держите же) вм. *хэлхэтнаэм*, *барьхатнаэм*. Такое выпадение характерно для речи кырменцев Баяндаевского района.

Таким образом, в языке потомков ользоновского и шарайтовского родов встречаются некоторые фонетические явления, характерные для эхирит-булагатского говора: употребление звуков *ж*, *һ*, вм. общекачугского *д*; *ш* вм. *х*; *д'* вм. *ж*. Взрывной *т* вм. *ш* встречается в языке потомков буровского, ользоновского и шарайтовского родов; потомки буровского рода употребляют *аз* вм. долгого *аа*.

Основываясь на приведенных фактах соответствия согласных звуков, следует отметить, что: 1) чередование охватывает все согласные, за исключением *п*, *нг* и *ч*. Согласный *нг* и аффриката *ч* употребляются в определенных позициях. Так, например, заднеязычный *нг* в бурятском языке употребляется перед *г*, *х* и в абсолютном конце слов, а такая позиция исключает появления чередований. Сильный согласный *п* употребителен только в изобразительных и звукоподражательных словах, что также обуславливает отсутствие расхождений; 2) подавляющее большинство чередований обусловлено фонетическим законом ассимиляции. Например, чередование *г* || *д* объясняется прогрессивной ассимиляцией: ср. кач. *дүндэхэ* вм. лит. *дунгэхэ* (поддержать какое-либо, чье-либо усилие); такой же характер имеет чередование *р* || *л*: *үрүүр* и

уруул (мочалка); 3) соответствия *с || ш* и *ш || с* представляют собой результат исторических переломов гласного¹; 4) чередования *м || б* и *б || м* обусловлены а) регрессивной ассимиляцией губного *б* по признаку назальности (*бодон > модон*); б) утратой назальности губного *м* в абсолютном конце слова и интервокальном положении (*юум > юуб*; *лама > лаба*); 5) чередования звуков внутри говора обусловлены, как указывалось выше, влиянием эхирит-булагатского говора. Исторически, если верить преданиям старины, «раздвоение» говора качугских бурят вполне оправдано. Это подтверждается тем, что по р. Куленге ныне проживают потомки двух родов: шарайтов, кровно родственных нохоевцам, и ользонов (улус Магнан), кровно родственных баяндаевцам, то есть представителям носителей эхирит-булагатского говора.

Приведенный выше материал в целом показывает, что говор качугских бурят своеобразен в фонетическом отношении не только в сравнении с литературным языком, но и со смежным эхирит-булагатским говором. Тем не менее наблюдаемые фонетические расхождения не затрудняют взаимопонимания между носителями различных говоров, в частности качугского и восточно-бурятских.

Морфологические особенности

Своеобразия морфологического строя качугского говора по сравнению с литературным языком и эхирит-булагатским говором сводятся в основном к отсутствию некоторых аффиксов множественного числа, разноречию в образовании падежных форм, в употреблении некоторых служебных слов и к некоторым другим.

Употребление форм множественного числа

Известно, что в монгольских языках множественное число образуется посредством специальных суффиксов (формантов), которые наращиваются на форму единственного числа имени или присоединяются к основе вместо конечного неустойчивого звука *н* или дифтонгов². Принцип образования множественного числа в говоре качугских бурят не имеет существенных отличий от литературного языка и эхирит-булагатского говора. Однако в употреблении отдельных форм множественного числа исследуемый говор отличается от сравниваемых языковых единиц. Эти различия сводятся к следующему.

В качугском говоре форма множественного числа строго прикреплена к определяемому имени. Если в литературном языке «...иногда форму множественного числа принимает определение, а не определяемое, формально остающееся в единственном числе»³, то в качугском говоре такого рода переход формы множественного числа не наблюдается. Примеры: кач. *йэхэ гэрнүүд*, лит. может быть *ехэнүүд гэр* (большие дома); кач. *сагаан хонид*, лит. может быть *саганууд хонид* (белые овцы), кач. *бага тугад*, лит. может быть *баганууд тугал* (маленькие телята). В качугском говоре определяющее слово может принять форму множественного числа в том случае, если оно употреблено с определенным семантическим

¹ См.: Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика..., стр. 96.

² Там же, стр. 127—128.

³ Г. Д. Санжеев. Грамматика бурят-монгольского языка. М.—Л., АН СССР, 1941, стр. 85.

заданием — с целью усиления признака, выраженного определением: *миу морин* (тощий конь), но *муунууд морид* (тощие-тощие кони); *ута модон* (высокое дерево), но *утанууд модод* (очень высокие деревья); *һазхан сарпаан* (красивое платье), но *һазханууд сарпаангууд* (очень красивые платья).

О формантах *-д*, *-нууд* (*-нүүд*), *-ууд* (*-үүд*), *-гууд* (*-гүүд*). Формант *-д* присоединяется к основам с конечным кратким гласным, а также с конечными *н*, *л*, *й*, которые при этом выпадают: *шоно* (волк) — *шонод* (волки), ср. лит. *шононууд*¹; *зиимхэ* — *зиимхэд* (щипцы); *хүн* (человек) — *хүд* (люди), ср. лит. *хүнүүд*²; *тугал* (теленок) — *тугад* (телята); *дэгэл* (шуба) — *дэгэд* (шубы), но иногда употребляется и форма *дэгэлнууд*; *хорхоэ* (червь) — *хорход* (черви); *гахаэ* (свинья) — *гахад* (свиньи); *нохоэ* (собака) — *ноход* (собаки).

В именах прилагательных при аналогичных фонетических условиях употребляются форманты *-нууд*: *мухаэ+нууд* (некрасивые), *шара+нууд* (желтые) или *-ууд*: *сагаа+нууд* (белые); *бага+д* (дети), а *бага+нууд* (маленькие).

Имена существительные, обозначающие родство людей и оканчивающиеся на гласные, образуют форму множественного числа при помощи суффикса *-над* (*-нэд*). Этот суффикс соответствует литературному бурятскому и монгольскому суффиксу *-нар* (*-нэр*, *-нор*)³. Примеры: *аха* (старший брат) — кач. *аханад*, лит. *аханар* (старшие братья); *зээ* (племянник) — кач. *зээнэд*, лит. *зээнэр* (племянники); *худа* (сват), кач. *худанад*, лит. *худанар* (сваты). Наряду с формантом *-над* (*-нэд*) в некоторых словах, обозначающих людей, употребляются и форманты *-нууд*, *-д*, *-тан*: *андаляата* (девушка, выданная замуж в обмен другой) — *андаляата+д*, *андаляата+нууд* или *андаляа+тан* (девушки, выданные замуж за братьев) — ср. *анда+лдаха* (менять).

Формант *-ууд* (*-үүд*) принимают имена, оканчивающиеся на согласные, кроме плавных *р*, *л*. Примеры: *ураг+ууд* (родственники), *олом+ууд* (места, где можно перейти реку вброд), *эд+үүд* (товары).

Формант *-нууд* (*-нүүд*). Если в эхирит-булагатском говоре этот формант не употребляется с предметными именами существительными, то в качугском говоре он, как и в литературном языке, весьма активно формирует множественное число как от имен существительных, так и от прилагательных. Суффикс *-нууд* (*-нүүд*) присоединяется к основе с конечными плавными *р*, *л* и дифтонгами. Примеры: *хөл+нүүд* (ноги), *бухал+нууд* (копны), *гэр+нүүд* (дома, юрты), *тармуур+нууд* (грабли); *хүхлингүй+нууд* (синеватые), *харгуи+нууд* (дороги, пути). Этот суффикс принимают и имена, оканчивающиеся на краткие гласные после согласных *р*, *л*, *х*, при этом конечные краткие гласные выпадают: *боро* (серый) — *бор+нууд* (серые); *бөлө* (двоюродный брат или сестра) — *бөлнүүд* (двоюродные братья или сестры); *хара* (черный) — *хар+нууд* (черные); *эрэ* (муж, мужчина) — *эр+нүүд* (мужья, мужчины); *хөхө* (синий) — *хөх+нүүд* (синие).

Формант *-гууд* (*-гүүд*) в качугском говоре употребляется после долгих гласных вместо эхирит-булагатского. *-һууд* (*-һүүд*): кач. *буу+гууд*,

¹ См.: Г. Д. Санжеев. Грамматика бурят-монгольского языка. стр. 87.

² См.: там же, стр. 86.

³ См.: Г. Д. Санжеев. Грамматика бурят-монгольского языка. стр. 86; Б. Х. Тодаев а. Грамматика современного монгольского языка (фонетика и морфология). М., 1951, стр. 52.

эх.-бул. *буу+һүүд* (ружья); кач. *түрээ+гүүд*, эх.-бул. *түрээ+һүүд* (голенища); кач. *хүрээ+гүүд*, эх.-бул. *хүрээ+һүүд*¹ (изгороди).

Приведенный материал показывает, что употребление форматов множественного числа тесно связано с качеством конечного звука основы и с ее семантикой. Иногда имена существительные и прилагательные при одинаковых конечных звуках основы принимают разные форманты множественного числа (ср. *-д* и *-һүүд*).

О падежных аффиксах

Имена в описываемом говоре нередко могут принимать падежные окончания, отличные от соответствующих аффиксов литературного языка и частично эхирит-булагатского говора. Так, например, в качугском говоре различаются родительный атрибута и родительный самостоятельный.

Под родительным самостоятельным мы понимаем форму имени, которая употребляется не атрибутивно, а в однословном ответе на вопрос или обозначает время действия. Аффиксами родительного самостоятельного в качугском говоре, как и в литературном языке, являются *-гай*, *-ай*, *-гой*, *-ой*, *-ээ*. Примеры: *Энэ юүни михам?* (Это какое мясо?) — *ан+гай* (зверя) или *хонин+ой* (баранина); *Энэ хэни нохойб?* (Это чья собака?) — *Шараан-ай* (Шарана) или *Обоог+ой* (Обогоя), *Сэмээн+ээ* (Семена). Аффикс литературного языка *-ын* соответствует в качугском говоре аффиксу *-айн*. Например: кач. *хадайн* вм. лит. *хадын* (горный). Аффикс *-н* употребляется со словами, оканчивающимися на дифтонги: *харгуй* (дорога) — род. п. *харгуйн* (дороги), *далай* (море) — род. п. *далайн* (моря).

В родительном атрибутивном падеже в рассматриваемом говоре употребляются аффиксы *-а* (*-э*, *-о*, *-ө*), *-йэ*. Причем аффикс *-э*, редуцируясь сильно, слышится как эвук, средний между *и* и *э*; вызывает палатализацию конечных согласных основы *н*, *л*; конечный *г* перед аффиксом *-э*, палатализуясь, становится среднеязычным *й*. Примеры: *модни намаа* (листья деревьев), ср. лит. *модоной набшаһан*; *төмөрө йэбэн* (ржавчина железа), ср. лит. *түмэрэй жэбэ*; *намара үдэр* (осенний день), ср. лит. *намарай үдэр*; *түлэзни һөхө* (топор для колки дров), ср. лит. *түлэзнэй һүхэ*; *булаји толгой* (исток ключа), ср. лит. *булагай эхин*; *хүрээйэ эшэ* (черенок пилы), ср. лит. *хүрөөгэй эшэ*. По всей вероятности, аффиксы родительного атрибутивного падежа есть не что иное, как редуцированные варианты аффиксов, употребительных в литературном языке. Следует отметить, что употребление в качугском говоре редуцированных и нередуцированных аффиксов не зависит от стиля речи, как в эхирит-булагатском².

В орудном падеже имена с конечным дифтонгом принимают аффикс *-аар* (*-оор*): *нохой* (собака) — *нохойоор* [нохойоор] (собакой), ср. лит. *нохойгоор*; *шарай* (лицо) — *шараяар* [шарайаар] (лицом), ср. лит. *шарайгаар*. Как видно, суффикс *-аар* (*-оор*) — это суффикс *-гаар* (*-гоор*) литературного языка с выпавшим заднеязычным *г* в условиях качугского говора.

В исходном падеже в качугском говоре употребляются аффиксы *-һан* (*-һэн*, *-һон*, *-һөн*), *-гаһан* вместо литературных *-һаа* (*-һээ*, *-һоо*, *-һөө*), *-гһаа* и эхирит-булагатского *-һа* (*-һэ*, *-һо*, *-һө*); *-гһа*: *хонин* (овца) — *хонинһон* (с овцы) вм. лит. *хонинһоо*, эх.-бул. *хонинһо*; *баабаз* (отец) — *баабазһан* (от отца) вм. эх.-бул. *баабайһа*; *Москва*—*Москваһан* (из Моск-

¹ См.: Б. В. Матхеев. О морфологических особенностях эхирит-булагатского говора. „Сб. тр. по филологии“, вып. 3, БМНИИК, Улан-Удэ, 1958, стр. 144.

² См.: Б. В. Матхеев. Указ. статья, стр. 147.

вы) в м. лит. *Москваһаа*, эх.-бул. *Москваһа*; сан (жесть) — *сангаһан* (из жести) в м. лит. *санһаа*, эх.-бул. *санһа*.

О формах субъективной оценки качества

В качугском говоре употребляются общебурятские суффиксы с уменьшительно-ласкательным значением *-хан* (*-хэн*, *-хон*, *-хөн*), *-дай*: *сабсагаахан* (беленький), *ахдай* (кавалерчик) и суффикс *-най*: *ахнай* (старший братишка).

Для выражения неполноты качества в исследуемом говоре употребляются общебурятские суффиксы *-сар* (*-сэр*, *-сор*, *-сөр*), *-шаг* (*-шэг*, *-шог*, *-шөг*): *охторсор* и *охторшог* (коротковатый), *өндөрсөр* и *өндөршөг* (высоковатый), но не употребляется суффикс *-бтар*.

В качугском говоре весьма широко распространен прием усиления качества путем удлинения гласного основы: *ута* (длинный) — *утуу* или *уута* (длиннющий); *өндөр* (высокий) — *өндүүр* или *өөндөр* (высоченный); *ехэ* (большой) — *ехүү* или *еэхэ* (большущий); *хапхар* (черный) — *хапхуур* или *хаапхар* (очень черный). Усиление качества, относящегося к человеку, выражается и суффиксом *-жаал* (*-жээл*): *наһан* (возраст) — *наһажаал* (преклонного возраста), *ехэ* (большой) — *ехэжээл* (повзрослевший).

О некоторых глагольных формах

Принято считать, что в литературном языке глаголы на *-ба* (*-бо*, *-бэ*) выражают прошедшее время. В качугском же говоре эта форма глагола имеет различные временные значения: 1) прошедшее время с результатом в настоящем, в известной мере напоминает древнерусский перфект: *Мүнгээшнн асарбаб* (Деньги твои принес, плюс оттенок значения — вот они), *Танда хэрэгтээ ербэб* (Я к вам по делу пришел, плюс оттенок значения — и вот я здесь); 2) начало действия: *ябаба* или *ябба* (пошел), *зураба* (начал писать), *хэлэбэ* (начал говорить); 3) действие, совершающееся в момент речи: *наашаа харба* (сюда смотрит), *гэдэрэгшээ ербэ* (идет обратно); 4) продолжительное действие: *өтөлбө* (стареет); 5) прошедшее время с законченным результатом: *Үстэр би Хашта ошбоб* (Вчера я был в Качуге), *Михаала намда хэлэбэ* (Михаил мне сказал). Иногда глагол на *-ба* (*-бэ*, *-бо*, *-бө*) может употребляться и со значением предостережения: *Басагани унаба* (в м. *унахшаб*) *байгаад, холо бо ошо* (Девочка твоя как бы не упала, не отходи далеко).

Обращение к самому себе в качугском говоре имеет суффикс *-һуу* (*-һүү*), к которому присоединяется показатель 1-го лица *-м* вместо литературного *-б*, например: *хараһуум* (посмотрю я) в м. лит. *хараһууб* или *хараһуу*. Повелительно-вежливая форма обращения ко 2-му лицу множественного числа имеет суффикс *-хтуи* (ср. лит. *-гты* и эх.-бул. *-гтуун*)¹: *абахтуи* (берите) в м. лит. *абагты*, эх.-бул. *абагтуун*.

Деепричастие предела в описываемом говоре образуется посредством суффикса *-сар* (*-сэр*, *-сор*, *-сөр*) вместо литературного *-тар* (*-тэр*, *-тор*) и эхирит-булагатского *-са* (*-со*, *-сэ*): *бусалсар* (до тех пор, пока не вскипит), *өтөлсөр* (до тех пор, пока не состарится). Суффикс же *-са* (*-сэ*, *-со*, *-сө*) в качугском говоре образует наречие: *харьяса бусалха* (бурно кипеть), *түшэгэнсэ харайха* (с топотом бегать), *тобтогонсо хэлэхэ* (быстро и четко говорить). Предварительное деепричастие в исследуемом говоре, как и в эхирит-булагатском, имеет суффикс *-мсар* (*-мсэр*, *-мсор*, *-мсөр*)

¹ О суффиксах *-гтуун*, *-хтуи* см.: А. Б о б р о в н и к о в. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849, стр. 131.

вместо литературного *-мсаар* (*-мсээр*, *-мсоор*, *-мсөөр*): кач. *ерэмсэр* (как только придет) вм. лит. *ерэмсээр*.

В качугском говоре, как и во всех западно-бурятских говорах, причастие на *-нхай* не употребительно, его значение может быть передано описательно, например, лит. *Ябанхай* (Он давно уехал) примерно соответствует качугскому сочетанию *Ябанар удаан болоо* (Прошло много времени, как он уехал).

О служебных словах

Из послелогов, употребительных в литературном языке и обозначающих пространственные отношения, в исследуемом говоре послелоги *дэргэдэ* (вблизи), *үмэнэ* (перед) отсутствуют; вместо них функционируют соответственно *хажууда*, *урай* или *урда*, встречающиеся также и в литературном языке.

Послелогу литературного языка со значением замены *орондо* (вместо; вместо того, чтобы; за) в качугском говоре соответствует послелог *тлөө* (ср. лит. *түлөө*). Послелоги приблизительности *шахуу*, *тухай*, *баг* в качугском говоре соответствуют разделительному дееспричастию *шахаад* (почти) и глаголу *бараг* (около).

Послелоги времени в сравниваемых языковых единицах совпадают, за исключением послелога *сасуу* (одновременно), отсутствующего в качугском говоре. Слово *сасуу* в исследуемом говоре имеет значение «ровесник».

Гласный звук отрицательной частицы *бу* (не) подвергается регрессивной ассимиляции по сингармоническому ряду последующего слова: *бэ хэлэ* (не говори), *ба хара* (не смотри), *бу уил* (не плачь).

В качугском говоре бытует частица утверждения *шаал* (ведь, же), соответствующая сочетанию *бэшэ аал* (должно быть, жается): *ерэшиаал* (ведь приехал, приехал же). Частица *шаал* образовалась из сочетания *бэшэ аал* (разве не?) ср. *ерээ бэшэ аал* (разве не приехал?). Наряду с литературной частицей утверждения *даа* в качугском говоре функционирует и частица *доо*. Вместо отрицательной частицы *-дүй* употребляется *-гүэ*, а частица *дүй* употребляется в фольклорном стиле: *сагаан хуһани ургаа дүидэ*, *сагаан хаани ерээ дүидэ* (в те времена, когда не росла белая береза, когда еще не было белого царя).

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Лексические различия между качугским говором и литературным языком и отчасти эхирит-булагатским говором сводятся в основном к отсутствию тех или иных слов или сужению, смещению значений некоторых слов литературного языка в исследуемом говоре. Значительные различия отмечаются во внутренних формах слов.

Расхождения, связанные с отсутствием слов литературного языка в описываемом говоре и с внутренней формой слов (или параллельные слова), мы относим к разряду собственно-лексических расхождений; расхождения же, связанные с разнообразием в значениях слов, — к разряду лексико-семантических расхождений¹.

¹ При описании лексических расхождений мы пользовались различными словарями: Д. А. Абашеев, К. М. Черемисов. Краткий русско—бурят-монгольский словарь. Улан-Удэ. Бур.-мои. гос. изд-во, 1941; Бурят-монгольско-русский словарь, составил К. М. Черемисов, под редакцией Ц. Б. Цыдендамбаева. М., 1954; Русско-бурят-монгольский словарь, под редакцией Ц. Б. Цыдендамбаева. М., 1954; Монгольско-русский словарь, под общей редакцией А. Лувсандэндэва, М., 1957; Монгольско-немецко-русский словарь, составленный Я. Шмидтом. Спб., 1835, и другие.

Собственно-лексические расхождения

Слова литературного языка, не бытующие в качугском говоре, делятся на две группы: первая — слова, не имеющие общих корней со словами качугского говора, вторая — слова, образованные от известных в исследуемом говоре корней.

Эти группы слов относятся главным образом к общественно-политической терминологии, к терминологии науки и культуры; реже встречаются среди терминов, обозначающих предметы, понятия быта людей. Примеры слов, не имеющих общих корней со словами качугского говора: *дүрим* (правило, положение), *гүрэн* (государство), *жагсаал* (шествие, демонстрация), *усадхаха* (ликвидировать), *элиэн* (посланник), *изагууртан* (родовитые, знатные), *амжалта* (успех, достижение), *мурысөөн* (сопредвание), *габьяа* (заслуга, доблесть, героизм), *багша* (учитель, преподаватель), *дэвтэр* (тетрадь, записная книжка), *ном* (книга, грамота), *журам* (порядок, распорядок, строй, режим), *асуудал* (вопрос), *абьяас* (склонность к чему-либо, усердие), *агаар* (воздух, атмосфера) и др.

Качугские буряты не знают терминологии буддийской веры, за исключением общераспространенных слов *лаба* (лама), *дасан* (дацан). Но зато шаманские термины некогда бытовали: в активном запасе слов иосителей качугского говора *наэжа* или *наэжа бөө* (шаман — опекун ребенка), *мүнсэ* (вознаграждение шаману натурой или деньгами за исполнение шаманского молебна), *шэрээтэ бөө* (шамаи, имеющий право отправлять шаманский обряд с жертвоприношениями), *шэрээ* (подставка на четырех березовых ножках для сжигания костей жертвенного животного), *зүхэли* (шкура жертвенного животного с головой и ногами, подвешенная к длинному шесту), *шалгаша үзэхэ* (вид шаманской ворожбы) и др. Некоторые шаманские термины, бытующие в эхирит-булагатском говоре, качугским бурятам не известны. Например, *манжалга* (первое выступление шамана).

Среди общественно-политических, абстрактно-научных терминов литературного языка, не бытующих в качугском говоре, встречается значительное количество слов, имеющих общие корни со словами качугского говора; правда, значения этих корней совпадают не всегда. Примеры: лит. *түүхэ* (история, историческое повествование, легенда), в кач. говоре оно означает «легенда»; лит. *тэмсэл* (борьба), в кач. *тэмсэхэ* (стремиться к чему-либо, негласно соревноваться с кем-либо)¹; лит. *байгуулалта* (создание, основание, организация, строй, структура), в кач. *баэха* (стоять, находиться); лит. *хани барисаан* (содружество), в кач. *хани* (друг, попутчик) и *барьха* (держать); лит. *арга боломжо* (возможности), в кач. *арга* (средство, возможность) и *болхо* (становиться, делаться, превращаться); лит. *эхэ орон* (родина), в кач. *эхэ* (мать) и *орон* (кровать, постель); лит. *шудалха* (изучать, исследовать, осваивать, овладевать), в кач. парн. *удалха-шудалха* (распороть что-либо с целью познать его внутренности — о детях, ломающих игрушки из любознательности); лит. *тайлбарилга* (толкование, комментарий, разъяснение, примечание), в кач. *таэлха* (развязывать, отвязывать, отстегивать, снимать с себя одежду); лит. *эрдэм* (наука, образование, знание, ученость) и *эрдэмтэ* (ученый), в кач. *эрдэм* (умение); *ухаан бодолго* (мышление), *ухаан* в сочетании *ухаан гүэ* (сломя голову, безрассудно) в кач. говоре употребляется весьма редко, *бодолго* в знач. «соображение, рассуждение» в исследуемом говоре не употребляется; лит. *онсо тэмдэг* (характерная черта), в кач. *тэмдэг* (метка), *онсо* (попадание), но значения «особенный, исключительный,

¹ В переводах даются основные значения, соответствующие значениям терминов литературного языка.

чрезвычайный» качугский говор не знает; лит. *хүг жэхэ* (развиваться), в кач. *хүг жэхэ* (разгораться синим пламенем); лит. *гэгээрэл* (просвещение), в кач. *гэгээ орхо* (светать, рассветать), но переносного значения не имеет; лит. *һанам жа* (мнение, соображение, намерение, помыслы, предложение), в кач. *һанаха* (думать, мыслить, помнить); лит. *таһаг* (отдел), в кач. *таһалга* (комната); лит. *зүблөөн* (совещание), в кач. *зөб* (правильно, правильный), *зөбтөө орхо* (договориться); лит. *үндэһэ һуури* (основание, базис), в кач. *үнөөһэн* (корень), *һуури* (место снесенного строения) и другие.

Отсутствие в качугском говоре многих отвлеченных слов, общественно-политических и иных терминов объясняется историческими условиями жизни носителей данного говора, отсутствием соответствующих понятий, территориальной отдаленностью качугцев, населяющих верховья реки Лены, от центра национальной бурятской культуры, сплошной неграмотностью населения в прошлом. С развитием просвещения и подъемом культуры в годы советской власти в словарный состав исследуемого говора проникают научно-технические и общественно-политические термины из русского языка, например: история, атом, ракета, спутник, партия, совет, совхоз, колхоз, интеллигенция.

Параллельные слова

В. И. Ленин, работая над книгой Л. Фейербаха о философии Лейбница, выписал его положение о природе названия с замечанием «хорошо сказано»: «Что такое название? Служащий для различия знак, какой-нибудь бросающийся в глаза признак, который я делаю представителем предмета, характеризующим предмет, чтобы представить его себе в его цельности»¹.

Предметы, как известно, могут иметь несколько бросающихся в глаза признаков, как-то: цвет, вкус, размер, возраст, характер, поведение и т. д. В основу названия отдельные группы людей (племена), народы могут положить не один и тот же признак. Следовательно, одни и те же предметы даже на базе одинакового языкового материала могут получать различные названия. Например, в бурятских говорах «сноп» (связка сжатых стеблей с колосьями) обозначаются словами: *хүлигэ*, *боолто* или *боодолго*. Такого рода различия мы называем параллельными словами.

Сопоставляя лексику изучаемого говора, связанную с трудовой деятельностью человека, с названиями предметов домашнего обихода, с литературным языком и со смежным эхирит-булагатским говором, обнаруживаем, что в области лексики, обозначающей орудия охоты, рыбной ловли и животноводства, расхождения единичны, в терминологии же полеводства, в названиях продуктов земледелия, в бытовой лексике и в словах, обозначающих родственные отношения людей, они довольно значительны. Учитывая это, мы даем материал, характеризующий тематическую область лексики.

Люди, их родственные и другие отношения

Термины, обозначающие людей по признакам пола, возраста, родства и других отношений совпадают в основном в говорах западно-бурятского диалекта. Они оказываются во многих общинах и в бурятском языке в целом. Однако в рассматриваемом говоре встречаются

¹ В. И. Ленин. Философские тетради. М., Госполитиздат, 1965, стр. 74.

ся отдельные слова, так или иначе отличающиеся от соответствующих слов литературного языка и других говоров. Так, наряду с литературным сочетанием *нарай үхибүүн*¹ (новорожденный) в качугском говоре употребительны слова *маадиш*, *баалья*, ср. *бааяха* (плакать — о ребенке), а в эхирит-булагатском говоре — *убай*. Слово *убай*, вероятно, когда-то употреблялось в качугском говоре, так как в нем встречается причастие *убайлхан* в сочетании *убайлхан баабай* (пеленавший, вырастивший отец). Следует отметить, что слово *баалья* употребляется не повсеместно, а лишь в языке потомков шарайтовского и ользоновского родов. Возможно, *баалья* соотносительно с тюркским, в частности, казахским *бала* (ребенок, дитя).

В литературном языке употребительно слово *нүхэр* (муж), в эхирит-булагатском говоре ему соответствует слово *һөхшөн*, в качугском — *эрэ*, *хураэха*. Отсюда в лит. яз. встречается сочетание *нүхэртэ ошохо* (выйти замуж), в эх.-бул. говоре — сочетание *һөхшөндө ошохо* или *һөхшөтэ болохо*, в кач. говоре — *эрдэ ошхо* или *эрдэ гарха*. Общим для смежных говоров является слово *хураэха* (муж), поэтому и в Эхирите, и в Качуге говорят *хураэхада гарха* или *ошохо* (выйти замуж). У потомков шарайтов и ользоновцев слово «жена» обозначается словом *һамган*, так же как и в литературном языке; следовательно, понятие «выходить замуж» у них будет обозначаться сочетанием *һамга абаха*. Между прочим, слово *һөхшөн* в аларском говоре означает «жена», отсюда *һөхшөнтэ болхо* — «жениться».

Дедушка по матери в качугском говоре называется (о)тоо *баабэ* (ср. *отог* — племя, поколение, клан) вм. лит. *хүгшэн аба* или *үбгэн баабай*) досл. старый отец). В исследуемом говоре бытуго сочетание *хольхи төвдээ* или *хольхи ибии* (бабушка по матери), *хольхи баабэ* или *хольхи нахса* (дедушка по матери), в литературном языке эти термины родства передаются соответственно сочетаниями *нагаса эжы* и *нагаса баабай*.

В монгольском языке для обозначения понятия «гость» существуют синонимы *айлчин*, *гийчин*, *зочин*. Из них в кач. говоре употребительно слово *зошон*, в эх.-бул. — *айшан*, в хоринском диалекте — *айлшан*. Некоторые буряты значение слов *айлшан* и *зошон* понимают по-разному. Например, старшее поколение нукутских бурят и по настоящему время под словом *зошон* подразумевает «гость, приехавший на тайлаган»², под словом *айшан* — «гость, приехавший в аил, в улус».

Слова, характеризующие человека. В качугском говоре, как и вообще в бурятском языке, широко представлен класс слов, характеризующий внешний вид, характер, поведение и другие признаки человека. Внешний вид человека обозначается обычно изобразительными словами.

Способы образования их в основном одинаковы как в исследуемом говоре, так и в литературном языке. Так, они образуются главным образом от глаголов с помощью суффиксов *-гар* (*-гэр*, *-гор*), *-уур* (*-үүр*), *-наг*, *-саг* (*-сэг*, *-сөг*), *-аас* (*-ээс*, *-оос*), *-уу* и др. Примеры: *һарнагар хүн* (человек с раздувшимися ноздрями), *һэрнэгэр хүн* (человек с торчащими ушами), *шулагануур* (человек, любящий ворчать; ворчун), *шарбагануур* (вертлявый человек), *һайрхуу* (хвастливый), *тархансаг* (карануз) и др.

В этой группе слов расхождения обнаруживаются, главным образом, в словах, образованных при помощи суффиксов *-аас* (*-ээс*, *-оос*), *-л*, *-наг* (правда, их немного). В литературном языке слова с приведенными суф-

¹ В качугском говоре это сочетание произносится *нирээ үхибүүн*.

² *Тайлаган* — обряд моления шаманистов с участием всего населения улуса или округа.

фиксами нами не обнаружены. Ниже приводим примеры из этой группы слов: *harhaac* (человек ограниченного ума, но самоуверенный), ср. *harhagar* (рыхлый, легковесный); *xalxaac* или *xalxaacнай* (человек, имеющий неаккуратно сшитую одежду), ср. *xalxagar* (мешковатый); *пөсхөл* (пухленький), ср. *пөсхөгөр* с тем же значением; *пирханаг* и *пирхаас* (конопчатый), *пархаас*, *пархааснай* (неуклюжий, неповоротливый), ср. *пархагар* (грубый, топорный).

В качугском говоре изредка встречаются слова, образованные посредством общебурятских суффиксов, отсутствующих или почти неупотребительных в литературном языке и в эхирит-булагатском говоре: *пэрээ+гэр* (пузатый), *сэлсэ+гнүүр* (неосторожный), *булха+гануур*, *урба+гануур* (неуравновешенный, злюка), *халха+гануур* (легкомысленный; человек, которому нельзя довериться), *hiic+хүүр* (легкомысленный) и т. п.

Также имеются расхождения в употреблении слов, характеризующих поведение или нрав человека. Понятия «хвастливый», «бессовестный», «высокомерный» в качугском говоре обозначаются соответственно словами *онгогор* (или *harhagar*), *сүдэггүэ* (ср. монг. *сүсэг* — вера, набожность, религиозность) и *дээгүүр* (ср. *дээгүүр* — поверху) или *бодорхог* (ср. западно-бурятское *бодохо* — уважать, почитать), *үлгэр* вм. эх.-бул. *haaxar*, *hэгээгүэ* и *hазэгэй* (слова *haaxar* и *hазэгэй* употребляются и в литературном языке). Слово *hэгээгүэ* в качугском говоре употребляется в значении «без памяти» в сочетании *hэгээгүэ jэрээ* (пришел без сознания).

Названия частей тела человека. Сравнение показывает, что одна и та же часть человеческого тела в литературном языке иногда имеет несколько названий, в качугском говоре — одно. Например: литературные сочетания *хүүгэн нюдэн*, *нюдэнэй сэсэги*, *нюдэнэй хара* соответствуют качугскому сочетанию *нүдэнэ гал* (зрачок); *hүбэ*, *нүхэн* — *hүбэ* (поры); *хулхай гээгээ*, *шэлэ хүзүүн*, *шэлэ* — *гээгээ* (затылок). Однако слово *гээгээ* в лит. яз. и кач. гов. в другом значении представляет собой омоним: в кач. *гээгээ* (память), в лит. *гээгээ* (коса). Так, сочетание *гээгээтэй басаган* в исследуемом говоре означает «злопамятная девушка»; а в литературном языке — «девушка с косой».

Встречаются расхождения и в других названиях, например: кач. *үлэмэ* вм. лит. *мэхэрхэй* (подъем ноги), кач. *яньяргазй* вм. лит. *хангир* (голень).

Животный мир

Названия зверей и птиц. В названиях, обозначающих диких животных, встречаются различия между сравниваемыми языковыми единицами. Например, лит. *бодон гахай*, ср. *бодо мал* (крупный рогатый скот) в кач. говоре соответствует *модон гахай* (дикий кабан), ср. *модон* (дерево; лес, лесной)¹; вм. лит. *хүхэ буха* в кач. гов. употребляется *хүхэсгээ*; лит. *мана хоxor* (крот) соответствует кач. *харха*; лит. *хун шубуун* соответствует эх.-бул. *сагаан шубуун* и кач. *сагаан галуун* (лебедь). В исследуемом говоре *хун шубуун* употребляется только в исторических повествованиях.

В изучаемом говоре наблюдается замена отдельных названий диких животных и птиц заимствованиями из русского языка. Так, например, в лит. яз. имеем *шаазгай*, в эх.-бул. говоре — *саазгай*, в кач. говоре — *сороонхи* (сорока.) Следы употребления слова *саазгаэ* в прошлом носителями качугского говора обнаруживаются в устойчивом словосочетании *хэрээ-саазгаэ*.

¹ О соответствии б || м см. раздел «Фонетические особенности».

Названия живых существ могут иметь общую основу, но раско-
даться в суффиксальной части. Таковы, в частности, некоторые назва-
ния птиц: лит. *тонш+уул*, кач. *тонш+ол* (дятел) при *тоншохо* (сту-
чать); лит. *бульжа+муур*, кач. *бульжа+мар* (жаворонок) и некоторые
другие.

Названия насекомых и пресмыкающихся.
В названиях насекомых и пресмыкающихся в исследуемом говоре на-
блюдаются расхождения, связанные в основном со смешением названий
объектов или с употреблением в нем русских заимствований вместо не-
которых бурятских названий. Так, слово *батагана* в лит. яз. означает
«муха», в эх.-бул. — «комар», в кач. — «мошка» (редко употребительно).
А мошка в лит. яз. называется *хохор батаганаан* или *жэжэ боргооһон*,
в эх.-бул. — *боргоодоһон* или *нюдэ аляһан*, в кач. — *хохор аляһан*
(досл. слепая муха). В лит. яз. и кач. говоре слово *хабтагай* обоз-
начает «доска», тогда как в эх.-бул. *хабтагаэ* — «клоп». Как в литера-
турном языке, так и в качугском говоре бытует русское заимствование
хулһаа.

Некоторые названия имеют расхождения во внутренней своей форме
например: лит. *улаан хорхой* (дождевой червь) при *улаан* (красный) и
хорхой (червь), но в кач. говоре «дождевой червь» — *гульмаахаэ* при
гульмагар, *һульмагар* (растянувшийся, вялый, длинный). В качугском
говоре различные группы насекомых, близкие по виду, носят иногда
одно общее название, тогда как в литературном языке имеется название
для каждого насекомого в отдельности: кач. *голёог* (кузнечик) соответ-
ствует литературным *голёо* (кобылка), *тэжэн голёо* (саранча), *хара голёо*
(сверчок), *шааруул* (кузнечик).

Термины животноводства. В названиях домашних
животных (овца, корова, теленок, свинья и другие) расхождений не имеет-
ся, за исключением некоторых различий, связанных с фонетическим
чередованием. Например: лит. *ямаан*, кач. *нимаан* (коза). В исследуемом
говоре отсутствуют названия синонимно-дублетного характера, например,
мөвди (корова), *унаа* (лошадь), *мал* (скот) и другие, при иаличии основ-
ных названий *үнеэн*, *морин*, *адаһан* с теми же значениями.

Кроме того, в литературном языке и качугском говоре имеются
следующие расхождения: лит. *эхэ хонин*, кач. *эмэ хонин* (овца, овцематка);
лит. *малиһан*, кач. *адууһан* (пастух, животновод).

Земледелие и огородничество

Такие названия работ, как «пахать», «сеять», «жать», «стого-
вать», «сушить», «веять», в основном одинаковы в литературном
языке, и в качугском говоре¹. Из этого ряда слов только слово *тари-
ха* (сеять) в исследуемом говоре в данное время не употребляется, однако
следы бывшего его функционирования обнаруживаются, например, в
сочетании *тарьмал маяһан* (огородный лук, досл. посеянный лук).
В значении «стоговать» слово *һүрилхэ* в говоре за последнее время не
употребляется, вместо него употребляется слово *сомоолхо*, наряду с
русским заимствованием *остоговаалха*.

Наблюдаются различия синонимного характера. Например, лит.
боолто, эх.-бул. *боодолго*, кач. *хүлигэ* (сноп) образованы от синонимич-
ных глаголов: *боолто* и *боодолго* — от *боохо* (обвязывать, завязывать);
хүлигэ — от *хүлихэ* (связывать). Такое же различие имеют бурятские

¹ См.: Русско-бурят-монгольский словарь, под редакцией Ц. Б. Цыдендамбаева.
М., Гос. изд-во словарей, 1954.

слова со значением «молотить»: в кач. *нахшаха* (досл. колотить), в эх.-бул. и лит. *сохихо* (досл. бить).

Из названий продуктов земледелия не совпадают следующие термины: лит. *орооһон*, эх.-бул. *ороод*, кач. *хара талхан* (зерно); лит. *талхан*, редко *гурил*, кач. *сагаан талхан* (мука); лит. *хилээмэн*, иногда *талхан*, кач. *хлээмэ* (хлеб); лит. *арбай*, кач. *будаан* (ячмень); лит. *шара будаа*, кач. *шара хурнаа* (просо).

В качугском говоре сочетания *хара талхан* (зерно) и *сагаан талхан* (мука) имеют вполне определившуюся назывную функцию. Например, для обозначения вида муки или зерна к этим сочетаниям прибавляются названия соответствующих культур: *тэниисээн сагаан талхан* (пшеничная мука), *хараэн сагаан талхан* (ржаная мука), *будаани сагаан талхан* (ячменная мука) или *тэниисээн хара талхан* (пшеничное зерно), *хараэн хара талхан* (ржаное зерно) и т. п.

В качугском говоре, как и в других бурятских говорах и литературном языке, хлебные злаки, за исключением названия *будаан*, в лит. иногда *арбай* (ячмень), крупяные и огородные культуры, а также корнеплоды имеют русские названия. Например: *яарса* (ярица), *тэниис*, в лит. и эх.-бул. *шэниисэ* (пшеница); *обзос* (овес); *проосо*, в лит. и эх.-бул. иногда *будэл* (просо); *гэршүүхэ* (гречиха); *морхоопхо*, в лит. *морхооб* (морковь); *капуус*, в лит. *хапууста*, в эх.-бул. *хабуусха* (капуста); *лүүк*, в лит. *һонгино* (лук); *эрдиисхэ* (редиска); *помьдоор* (помидор); *түрнеэпсэ* (турнепс), *брюухва* (брюква) и др.

Если названия культурных растений в большинстве своем заимствованы из русского языка, то дикие растения имеют бурятские названия. Например: *үрмэһэн*, в лит. *үрмэдэһэн* (полынь), *шара сэсэг* (желтый цветок), *ургуи*, в лит. *ургы* (подснежник), *носоргоно* (любим), *шаралдаэ* (осот). Слово *пырээ* (пырей) бытует наряду с бурятским словом *хяаг*, правда, значения их дифференцированы: *хяаг* — «дикая сорная трава»; «заросшее пыреем некогда пахотное поле», а *пырээ*, кроме указанных значений, обозначает и культурное растение. Параллельно бытуют слова *лүүк* (лук огородный) и *маяһан һонгино* (дикий лук), в лит. *мангир*. Слово *маяһан* в исследуемом говоре также обозначает «суп», приготовленный чаще всего в русской печи, наряду с *шөлөн*, лит. *шүлэн*, имеющем дополнительное значение — «свеженина для роженицы».

В говоре качугских бурят некоторые процессы сельскохозяйственных работ носят двойные названия. Например, со значением «поливать» употребляются собственно бурятское словосочетание *уһа тарааха* и русское заимствование *полибаалха*. Однако первое из них обозначает процесс полива полей и сенокосных угодий, второе — более новый вид работы по поливке огорода.

Как видно из приведенного выше материала, в исследуемом говоре названия различных культур, продуктов земледелия, а также названия процессов работы не всегда совпадают с таковыми не только литературного языка, но и соседнего эхирит-булагатского говора. В нем имеются слова, своеобразные в фонетическом отношении (*маяһан*, *тэниис*), отличные в своей словообразовательной части (*үрмэһэн*) или не известные другим говорам в данном значении (*хүлигэ*).

Эти расхождения могут быть объяснены отчасти тем, что полеводство у ленских бурят получило широкое развитие в период обособленной их жизни.

Материальная культура

Названия жилищ и строений. В бурятском языке общеизвестным является слово *гэр* (дом). Однако в отдельных говорах наряду с ним употребляются и другие слова. Так, в эхирит-булагатском говоре со значениями «дом», «город» бытует слово *тура*. В качугском говоре, как и в литературном языке, слово *тура* известно только в значении «город» (в монгольском и тюркских языках оно обозначает «цитадель», «крепость», что вполне соотносится со значением «город»). В рассматриваемом говоре со значением «дом» употребляется слово *махтар* (или *маатар*). Нам кажется, что это слово возникло от сочетания *бага тура* (маленькая крепость). В фонетическом отношении такое образование вполне допустимо: звук *б* в начальной позиции изменился в носовую *м* (*б > м*); звонкий же согласный звук *г*, оказавшись перед глухим, в результате выпадения гласного звука подвергается оглушению. Процесс изменения сочетания можно представить в следующем виде: *бага тура > баг+тур > бахтур > махтар*.

Литературное слово *бүхөөг* (навес) в качугском говоре означает «балаган». Кроме того, говору качугских бурят известны и литературные слова *отог* (шалаш), *урса* (конусообразный шалаш). Правда, слово *отог* употребляется только в сочетании *отог дээрэ байһиимэдли зуураад бааха* (находиться в беспорядке, как в шалаше). Эхирит-булагатским словам *нажаржаан* (летник), *үбэлжөөн* (зимник) в качугском говоре соответствуют сочетания *нажари һөр* (досл. летний дом), *үбэли һөр* (досл. зимний дом). Летние юрты в улусе в исследуемом говоре в совокупности обозначаются словом *гол* (ср. *гол* — река), отсюда сочетание *голдoo нүүхэ* означает «перекочевать в летники». Связь слов *гол* (река) и *гол* (летники) вполне объяснима, так как летники у бурят обычно располагались у берегов рек. Однако река в качугском говоре ныне обозначается только словом *уһан* (вода).

Эхирит-булагатскому говору не известно литературное слово *дал* (навес, хлев, стайка), употребительное в качугском говоре со значением «пристройка к юрте в виде кладовки». В значении «пристройка к дому» смежные говоры употребляют сочетание *гэрэ ампаар* (в эх.-бул. говоре произносится *гэрэ бумбаар*).

В смежных говорах употребляется слово *хүрээ* (изгородь), но не известны восточнобурятские слова *хорёо* и *томог* с тем же значением. Вместо восточнобурятских слов *сонхо* (ср. монг. *цонх*), *онгоошхо* (ср. *онгоохо* — зиять) в смежных говорах бытует слово *шагаабар* (окно), которое иногда звучит как *шабаагар* (ср. *шагааха* — заглядывать, выглядывать). Литературному слову *шэл* (стекло) в смежных говорах соответствует слово *саа жанхаэ: шагаабра саажанхаэ* (оконное стекло). Вместо литературных слов *тогого* (дверной косяк) и *можо* (оконный косяк) носители смежных говоров соответственно употребляют *үүдэни эрхин* и *шагаабара эрхин*.

Названия одежды и обуви. В сравниваемых нами языковых единицах наиболее общие названия нередко совпадают, например: *хубсаһан* или *хубсаһа хунар* (одежда), *дэгэл* (шуба, пальто), *даха* (доха, зимний тулуп), *бээлээ* (рукавицы). В названиях же отдельных видов одежды, особенно в названиях ее частей, исследуемый говор имеет определенные расхождения со смежным говором и литературным языком. Например, в эх.-бул. гов. *халдаэ* (платье), в кач. гов. в этом значении употребляется слово *сарапаан*, в лит. — *плати*; эх.-бул. — *туулли* или *сабъя годохон* (чирки) вм. кач. *табгаэ гутаһан* или *сархи* и лит. *шар-*

хи, шархи шагабша. Под словом *сархи* эхиритцы понимают «унты с голенищами из юфти».

В качугском говоре более употребительными являются русские заимствования *сульхи* (чулки), *охтор сульхи* (носки), реже употребляются слова *оэмоһон*, *охтор оэмоһон*; в литературном языке и в смежном говоре слова *оймоһон* (чулки) и *шагайбша* или *шагабша* (носки) употребительны, ср. *шагай* (щиколотка). Слово *шагабша*, обозначавшее некогда в исследуемом говоре «лапти, имеющие верх из самотканного сукна», выпало из активного словаря. В смежных говорах бытует сочетание *досоодо хубсаһан* в м. лит. *дотор хубсаһан* (белье). Эти сочетания представляют собой синонимы, так как корреспондирующие в них слова *дотор* и *досоодо* являются синонимами в знач. «внутренний». Однако слово *дотор* в лит. яз. означает и «подкладка», чему соответствует качугское слово *зубшалга*. Кроме того, в исследуемом говоре в значении «белье» употребляется и сочетание *нимгэн хубсаһан* (досл. тонкая одежда).

Параллельными терминами обозначаются и названия частей той или иной одежды: «вешалка у одежды» в кач. гов. *түдүүли*, в лит. яз. кроме *түдүүли*, употребляется еще *бүтүү*, в эх.-бул. — *һалдарга*. Между тем последнее в исследуемом говоре и в лит. яз. (*һагалдарга*) означает «ременная застежка под уздой». В качугском говоре *үмдэни дэльбэ* (ошкур брюк) и *хирэм* (поясной шнур, резинка у брюк) соответствуют в смежном говоре слову *хэрэм*. «Манжета на рукаве рубашки, платья» в кач. гов. — *угаабар*, в эх.-бул. — *сарбуу*. «Околыш шапки» в эх.-бул. гов. — *малгаэн боодолгон*, в кач. — *малгаэн хана*.

Нередки расхождения в заимствованных названиях некоторых видов одежды смежных говоров: кач. *хостюум*, эх.-бул. *пальтоог* (костюм); кач. *паарья*, эх.-бул. *осбоодхо* (варежки); кач. *шляб малгай*, эх.-бул. *хараабли малгай* (шляпа); кач. *урбаахи*, эх.-бул. *урбааша* (рубаха).

Названия пищи. В названиях пищи расхождения незначительны. Тем не менее обнаруживается разницей в обозначении таких видов продуктов питания, как молочные и мясные: кач. *түүхээ ээдмэг*, лит. *ээдмэг*, эх.-бул. *ээдэмхээ* (простокваша); кач. *болһон ээдмэг*, лит. *ээзгээ*, эх.-бул. *отбороог* (творог).

Иногда происходит сужение или расширение значений слов. Например, кач. *аарса* (отходы, получаемые при курении молочного вина), кроме указанного, в эх.-бул. говоре имеет значение «бурдук», что в исследуемом говоре обозначается словом *талхан*. По-разному называется чай-затуран: в кач. говоре — *зутраан сай*, в эх.-бул. — *талхан сай* (досл. мука-чай).

Эхиритские буряты из мяса приготавливают различные виды продуктов: *гэр няха* (досл. дом-мясо), *суглаа* (ср. *суглаха* — собирать, сложить вместе), *харма* (мясная колбаса); качугские буряты из мяса приготавливают *суглаа*, *харма* (блюдо, приготовленное из сгустков крови в смеси с салом, но не колбаса).

Некоторые восточнобурятские названия в смежных говорах не известны. Например, *айраг* (кислое молоко), *хурууд* (спрессованный творог), *хоймог* (творог в сыворотке — кушанье из арсы и молока), *хирам* (кляток с молоком — у сартулов Джидинского аймака БурАССР). В исследуемом говоре слово *хоймог*, вероятно, в прошлом бытовало. Об этом свидетельствует бытование глагола *хоэмрлохо* (приготовить кушанье из курунги¹ на молоке или сливках).

Быт о в а я л е к с и к а. Некоторые предметы и вещи домашнего обихода в говорах бурятского языка имеют одинаковые названия.

¹ *Курунга* — молочный напиток, из которого курят вино.

Однако встречается и ряд расхождений, особенно в названиях мелких предметов и вещей.

Так, например, общеизвестным является слово *hүхэ* (топор), но «топор-колун» в кач. гов. называется *согдо һөхө* (ср. *согдо* — пешня), в эх.-бул. — *сонхор* (или *сорбогор тообгой*) *hүхэ*, в лит. яз. — *сообо* (или *түлээнэй*) *hүхэ*; «топор-тесак» в кач. гов. — *тарбагаэ һөхө* (ср. с *тарбагаэ* — широкий с одной стороны), в лит. яз. — *хурса hүхэ*. В исследуемом говоре сочетание *хурса һөхө* означает «острый топор» в отличие от *мохоо* (затупленный): *хурса тарбагаэ һөхө* (острый топор-тесак), *мохоо тарбагаэ һөхө* (затупленный топор-тесак).

В лит. яз. *бидруу*, *хүнэг*, реже *һуулга*, *заглуу* — «ведро», в кач. гов. *зантуу*, *һуулга*, редко *хаянтар* — «ведерко». В лит. яз. *һагшуур* (сито для просеивания муки), в кач. и эх.-бул. говорах—*һаэгуур*. Кроме того, в некоторых бурятских говорах, в частности сартульском, в этом значении употребляется слово *шэгшүүр*. В исследуемом говоре бытует сочетание *шэгшүүрдэжэ һаэгуурдаха* (тщательно просеивать; просеивать, постукивая по сити, чтобы выпала из сита вся мелкая мука).

Такие предметы, как тиски, щипцы, веник, имеют довольно разнообразные названия. Тиски в кач. говоре у представителей шоноевского рода называются *үлирбэ*, у представителей шарайтовского рода — *шэм-хүүргэ*, в эх.-бул. гов. — *хусхаа* (заимствованное из русского языка), в лит. яз. — *үлирбэ*, если «большие тиски» — *абарга*. Щипцы угольные в кач. гов. называются *зиимхэ*, в эх.-бул. — *хабишуурга*, в лит. яз. — *хабишаг* (ср. *хабишаха* — сжимать, зажимать). Веник в кач. гов. называется *үльбүүр*, в эх.-бул. — *эльбүүр* (ср. *эльбэхэ* — гладить, разглаживать), в лит. яз. — *бииниг* (заимствовано из русского языка), но со значением «метла, метелка» употребляется слово *хамуур*. В языке потомков буровского рода (улус Ацикак) бытует слово *хамлоо* (печной венник), ср. *хамаха* (подметать).

В лит. яз. слово *аяга* употребляется в значении «чашка», в кач. гов.— в значении «миска»; в значении «чашка» в последнем употребляются слова *тагиа* (ср. с *таг* — своеобразный буфет в виде полочек на стене) и *хонхор* (ср. *хонхогор*— что-либо с углублением, с ямками). Из этих названий первое распространено и в ряде других говоров бурятского языка, поэтому оно известно и литературному языку. В эх.-бул. гов. в значении «деревянная чашка» бытует слово *лонхо*, которое употребляется и носителями качугского говора (в шарайтовском и ользоновском родах); в лит. яз. это слово обозначает «бутыль». В эх.-бул. гов. крынку называют *матаар* (ср. *матагар*—вогнутый, гнутый), в кач. гов. — *тэн-хээр* (ср. *тэбхэр* — квадратный, кубический), в лит. яз. — *табханс* ? (ср. *табхагтр* — низенький, приземистый) или *тэбхэнсэг* (ср. *тэбхэ*,).

Общепотребительным в бурятских говорах является слово *шарга* (санн). Санки называются по-разному: в лит. яз.—*ябаган шарга* (досл. пещие сани), в кач. гов. — *аахаэ*, но у шарайтов — *яндаал*.

Некоторые предметы домашнего обихода в одних случаях имеют названия, заимствованные из русского языка, в других — собственно бурятские, например: в лит. яз. употребляется, например, слово *усхабардаа* (сковорода), которому в кач. гов. соответствует *яла* (ср. *ялбагар* — мелкий, например, о посуде), в эх.-бул. — *бэлюүдэ*. Между тем заимствованное слово *хубардаа* (ср. лит. *усхабардаа*) в кач. гов. приобрело другое значение — «утятница». В лит. яз. и эх.-бул. гов. — *собоог* (совок), но в кач. гов. — *хошхо*, а в лит. яз. иногда *удхуури* в том же значении. В лит. яз. — *шэрээ* (низенький стол), в западнобурятских говорах, в частности в кач. и эх.-бул.— *остоол*. Слово *шэрээ* в этих говорах означает «подставка на четырех березовых ножках для сжигания костей жертвенно-

го животного» (в шаманском ритуале). В лит. яз. — *суурга* (замок) и *түл-хиур* (ключ), в кач. гов. — соответственно *зомог*, *сулюуса*, правда, большой замок обозначается бурятским словом *бархаг*.

Названия светил, явлений природы

Лит. слову *мүшэн* (звезда) в смежных говорах соответствует *мэшэн*. Слово *одон* в этих говорах отсутствует. В монг. яз. слово *мэчид* обозначает «Плеяды», «Стожары», *одон* — «звезда». «Большая Медведица» в лит. яз. и кач. гов. называется *Долоон Үбгэн*, в эх.-бул. гов. — *Долоон Мэшэн* (досл. семь звезд); «Полярная звезда» в эх.-бул. гов. называется *Суу мэшэн*, в кач. — *Сула мэшэн*, в лит. яз. — *Алтан гадаһан*. В кач. и эх.-бул. говорах литературные сочетания *аймаг сдон* (созвездие) и *һуултэй одон* (комета) совершенно не известны.

В обозначении явлений природы сравниваемые языковые единицы в основном совпадают, имеются лишь незначительные расхождения. Например, лит. *һолонго* (радуга) соответствует в эх.-бул. *үнгэгэн шииг*, в кач. гов. — *үнгэгэн зиин шээһэн*. Из литературных сочетаний *һабир-шэбэр орохо*, *шэдэрхэ* (моросить) в кач. гов. бытует *шэбэр-һабир орхо*, в эх.-бул. — *шэдэрхэ*. Некоторые расхождения носят фонетический характер: в лит. яз. и кач. гов. — *һальхин*, в эх.-бул. гов. — *һальсин*. Качугскому говору, как и вообще западнобурятским, лит. слово *зуд* (гололедица, бескормица) не известно, вместо него употребляется слово *һахуу*.

Расхождения внутри говора

В лексическом отношении качугский говор представляет в основном единый массив. Однако между отдельными населенными пунктами в обозначении тех или иных понятий, названий наблюдаются расхождения. Ниже приводим примеры на лексический разнобой внутри говора.

В улусах Холучево, Зулман, Магдан на р. Куленге (роды Шарайт, Ользон)	В улусах Бурлай, Босогол, Хромово, Ба- сай, Чептыхов (род Шою)	Значение
<i>азшан</i>	<i>зошон</i>	гость
<i>алга адал</i>	<i>алга ажал</i>	хозяйство
<i>ан зан</i>	—	жизнь-бытьё
<i>барилга</i> (ср. <i>бариха</i> — держать)	<i>эдилгэ</i> (ср. <i>эдихэ</i> — есть, присвоить)	взятка
<i>орхон</i>	<i>иһэ</i>	паводок
<i>яланхаэ</i>	<i>ялгаэ, ялгар, ялбагар</i>	блюдец
<i>мандагар</i>	<i>ехэ</i>	большой, рослый
<i>прээсгээ</i>	<i>биихээ</i>	кошка
<i>үлгээн хүбшэргэ</i>	<i>сахариг</i>	занавеска на зыбке
<i>сарбуу</i>	<i>угаабар</i>	ватная полоска, па- деваемая на кисть ру- ки для тепла
<i>шэмхүүргэ</i>	<i>үлирбэ</i>	кусачки
<i>хадлан</i>	<i>хатса</i>	покос
<i>хапшуурга</i>	<i>зиимхэ</i>	щипцы
<i>хаэхан</i>	<i>басган</i>	девушка
<i>хэлээмэ худхаха модон</i>	<i>хэлээмээн шэлээбэр</i> или <i>хутхуурга</i>	лопаточка для переме- шивания теста в ква- шне (мутовка)

<i>хамган</i>	<i>изии</i>	жена, женщина
<i>хамъга анха</i>	<i>изиилхэ</i>	жениться
В улусах Саханай, Байбет, Хоторгой на р. Анге (буровский род)	В улусе Бурлай (шо- ноевский род)	Значение
—	<i>больтрог</i>	чугунок
<i>ибши</i>	<i>төвдээ</i>	бабушка
<i>милаа</i>	—	гулянье в день рожде- ния ребенка
<i>на жаржаан</i>	<i>нажри һөр</i>	летник
<i>отоо ибии</i>	—	прабабушка
<i>стэпиинэ</i>	<i>хапшуурга</i>	подставка с железной развилкой вверх для горящей лучины
<i>үбэлж өөн</i>	<i>үбэли һөр</i>	зимник
<i>шэлээбэр</i>	<i>хутхуурга</i>	кочерга
В улусе Степно-Бал— тай (род Худагсаган)	В улусе Бурдай (род Шоно)	Значение
<i>самбаара шаанаг</i>	<i>хальднаг</i>	сосуд для заварки чая
<i>улаан улаагна</i>	<i>морин улаагна</i>	кислица
<i>яагдаэ</i>	<i>алирһан</i>	брусника

Как показывают материалы исследования, некоторый лексический разнобой, наблюдаемый в качугском говоре, относится главным образом к бытовой лексике и лишь отчасти — к терминам родства.

Лексико-семантические расхождения

Сущность лексико-семантических расхождений сводится к следующему: значения одних и тех же слов не совпадают в сравниваемых языковых единицах. Так, слово *һөхшөн* в кач. гов. и слово *хүгшэн* в лит. яз. означают «старый», тогда как в эх.-бул. гов. оно имеет значения «старый»; «муж (супруг)», а в аларском — «старый», «жена». Подобные расхождения обусловлены развитием первоначального значения слова (*һөхшөн* — старый) по линии полисемии (*һөхшөн* — муж, жена).

Семантические расхождения на основе развития полисемии происходят различными путями. Довольно часто наблюдаются случаи, когда в одной из сравниваемых языковых единиц то или иное слово получает дальнейшее развитие, расширяя или приобретая более отвлеченное, либо переносное значение, тогда как в других единицах оно не претерпевает больших изменений. Так, например, слово *нюур* в лит. яз. означает «лицо, личность; лицевая сторона; фасад; страница», но в кач. и эх.-бул. говорах это слово значения «страница» не приобрело.

Слово *хормоз* в эх.-бул. гов. обозначает «юбка, пола одежды; основание, подножие горы»; в лит. яз. и кач. гов. это слово значения «юбка» не имеет. Слово *үбгэн* в кач. гов. в сочетании *үбгэн хүн* обозначает «престарелый человек, почтенный», в лит. яз. — «старик, старец, муж, почтенный». Значение «муж» в кач. гов. обозначается словом *эрэ*. В лит. яз. слово *аршалха* — «спасать, защищать, ограждать, покровительствовать, опекать», в кач. гов. — только «разнять дерущихся». В лит. яз. слово *дотор* — (внутренности, кишки; подкладка; глубь, глубина; внутренний; внутри, в, во; в течение); в кач. гов. — только «внутренности, кишки».

В лит. яз. слово *анда* обозначает «побратим; близкий друг из дру-

гого племени», в кач. гов. — только «Друг из русских» или неодобрительно «любовник». В лит. яз. *арилгаха* — «чистить, обметать, стирать; полоть; убирать; удалять, прогонять, изгонять; уничтожать, искоренять», в кач. гов. — только «удалять, прогонять, изгонять, уничтожать, искоренять; потерять». В лит. яз. *зайлаха* — «давать или освобождать место, сторониться, отходить; уклоняться, удаляться; освобождаться, избавляться; полоскать, ополаскивать; лудить»; в кач. гов. только «полоскать, ополаскивать».

Нередко имеет место выпадение одного значения слова или сужение сферы его употребления в какой-либо языковой единице, что приводит также к расхождению между говорами или между говорами и литературным языком. Например: в лит. яз. слово *түрэхэ* — «рожать вообще» (о животных). В изучаемом говоре слово «рожать» (о человеке) обозначается *гаргаха*. В прошлом слово *төрөхө* — «рожать» (о человеке) в кач. гов., по-видимому, употреблялось, так как в данное время в нем активно употребляется сочетание *һазн төрөхө* (вырасти умным, хорошим) или *муу төрөхө* (вырасти дураком).

Слово *һаба* (посуда) в исследуемом говоре сузило свое значение до обозначения названий посуды (туеска, бутылки, графина) с вином, которое разливают гостям: *һаба* (или *һабһан*) *хүртээхэ* (разливать и подавать гостям вино из бутылки). Сужение значений иногда обусловлено русскими заимствованиями. Так, например, в лит. яз. слово *халбага* означает «ложка вообще», в кач. гов. только «деревянная большая ложка», а в значении «ложка вообще» используется заимствованное слово *олошко*.

В качугском говоре наблюдается переосмысление значений слов, которое происходит главным образом на основе схождения признаков предметов, иногда сопровождаемая суффиксацией. Например, слово *аха* || *ахаэ*: в лит. яз. *ахаэ* || *аха* — «старший брат», в донг.-сарт. и тунк. говор ах — «жена брата», в кач. гов. в форме *ахнаэ* — «старший братишка», в эх.-бул. *ахаэ* — «старшая сестра», у балаганских (молькинских) бурят *ахаэ* — «кавалер». Другим вариантом слова *аха* || *ахаэ* является *аахаэ* (кавалер-жених), широко употребительное в кач. говоре с оттенком иронии.

Иногда наблюдается переосмысление значения слов на основе звукового схождения. Так, лит. слово *утамжа* (встреча; встречный) качугские буряты связывают с понятием *удхаха* (черпать). Слово *ухтамжа*, чаще *утхамжа* (ср. *удхаха*) в кач. говоре употребляется как термин свадебного обряда в значении «место, где встречаются односельчане жениха со свадебным поездом и происходит взаимное угощение». Однако слово *ухтамжа* || *утхамжа* качугские и эхиритские буряты в настоящее время понимают со значением «черпать»; *ухтамжа* — место, где люди пьют вино, черпая его из больших сосудов. Литературному слову *бүрэхэ* (взбивать простоквашу) в кач. говоре соответствует слово *гүрэхэ*: в м. лит. *тараг бүрэхэ* качугские буряты говорят *тараг гүрэхэ*.

Выпадение слов из словаря исследуемого говора и заимствование из русского языка

Словарный состав диалекта постоянно пополняется и видоизменяется. В нем образуются новые слова, часть старых слов выходит из употребления. В связи с изменениями в производстве и культуре, в общественных отношениях людей происходит и процесс изменения словарного состава. Происходящие сдвиги в области лексики исследуемого

говора в основном сводятся к выпадению некоторых слов, обозначающих те или иные понятия или предметы, ушедшие в прошлое, и к активному обогащению словаря говора заимствованиями из русского языка.

С резким подъемом культуры бурятского народа после Октября качугские буряты начали отходить от религии, что вызвало выпадение из активного словаря данного говора таких терминов шаманского культа, как *ёдоото бөө* (шаман, имеющий право отправлять молебны с жертвоприношениями), *наэжа* (шаман-опекун ребенка), *шалгажа үзэхэ* (ворожить, сравнивая с прошлой ворожкой). Некоторые термины шаманства со временем приобрели переносное значение. Так, например, слово *зүхэли*, обозначавшее «шкуру жертвенного животного, подвешенную на жердь», стало употребительным в значении «тощий высокий человек (неодобр.)». Слово *бөө* (шаман), некогда являвшееся священным, приобрело пренебрежительно-неодобрительный оттенок: *Хонин муудахадаа ёроолхо, хүн муудахадаа бөө болхо*. (Исхудавшая овца начинает ходить иноходью, подурневший человек становится шаманом).

Выпали из активного словарного состава говора многие термины, обозначавшие предметы и понятия свадебного обряда. Например: *дэглээ* (свадебное платье в виде легкого пальто с фуфайкой и украшениями), *оноо* (украшение к *дэглээ* в виде металлических пластинок с рисунками), *йубуу* (украшение из металлической пластинки, которое надевала невеста на голову на свадьбе), *түхрезн* (женское украшение из золотых монет с серебряным ободком), *түүдэбишэ наадан* (национальные танцы, исполняемые у огня на свадьбе).

Ушли в историю слова и понятия, связанные с государственным устройством царского самодержавия, например, *татри* (натуральные или денежные сборы), *албан* (служба): *албанда ошхо* (идти служить в ссудаты), в связи с чем мальчиков раньше называли *албатаэ* (досл. имеющий *албан*), девочек — *албагауэ* (досл. не имеющий *албан*). На смену этим словам пришли русские заимствования — *налоог* (налог), *аарим* (армия), (*ааримда ошхо* — идти в армию), в которые носители исследуемого говора вкладывают новое содержание. Девочек и мальчиков стали называть общебурятскими словами *басган* и *хүбүүн*. Забыты русские заимствования, связанные с прошлым административным устройством. Например: *гулбаа* (голова — выборный руководитель, начальник), *дүүмэ* (дума — представительное собрание в царской России), *үезэдэ* (уезд) и др. Вышло из употребления слово *мангажэ* (хлебный амбар).

Смена общественных отношений в стране привела к изменению значений отдельных слов. Так, если слово *хөлөмшө* (или *зарса*) раньше означало «батрак, наемный работник», *һазд* — «господин», то теперь они употребляются соответственно в значениях «прислужник», «высокомерный».

Наряду с выпадением отдельных слов происходит активное пополнение словаря исследуемого говора новыми словами, главным образом, путем заимствования из русского языка. Русские заимствования делятся на две группы: 1) заимствования раннего, дореволюционного, периода и 2) заимствования послеоктябрьского периода. Эти периоды в словарном запасе говора составляют как бы два пласта в семантическом и фонетическом плане.

В дореволюционных заимствованиях из русского языка преобладают бытовые слова и термины полеводства. Эта группа слов подвергалась значительной фонетической деформации. Примеры: *шаэнаг* (чайник), *хубардаа* (утятница), ср. русское сковорода, *хунаэхи* (фуфайка), *һүнтэ* (фунт), *шошбоз* (часовой), *еэхэр* (лекарь), *осроог* (острог), *тэнишс*

(пшеница), *яарѐа* (ярица), *хурпаа* (крупа), *нитообхо* (литовка), *борьной* (борона), *борьнохо* (боронить), *соохо* (соха), *ахтамбиил* (автомобиль), *дѐшинѐ* (десятина), *шээтбэртэ* (четверть).

Займствования послереволюционного периода, начиная с 30-х годов, связаны с внедрением в сельское хозяйство передовой техники, с изменениями, произошедшими в общественных отношениях людей, с подъемом культуры социалистической деревни. Фонетические изменения в этих словах сравнительно незначительны. Примеры: *тараахтар* (трактор), *хамбааин* или *комбааин* (комбайн), *сенокосилха* или *косилка* (сенокосилка), *мотоор* (мотор), *пилраама* (пилорама), *холхооз* или *колхооз* (колхоз), *собхооз* или *зобхооз* (совхоз), *скоотниг* или *осхоотниг* (скотник), *соревнааани* (соревнование), *сѐездэ* (съезд), *хомсомоол* или *комсомоол* (комсомол), *паарти* (партия), *дельгаад* (делегат), *Берхообно Собезд* (Верховный Совет), *раайисполком* (райисполком), *бульдоозер* (бульдозер), *бульдоозериштэ* (бульдозерист), *хүхрүүзэ* (кукуруза) и многие другие.

Таким образом, качугский говор, как и вообще бурятский язык, значительно обогатил свой словарь путем заимствований слов из русского языка.

Приведенный нами материал о фонетических, морфологических и лексических особенностях языка качугских (верхоленских) бурят показывает, что он представляет собой самостоятельный говор. В дальнейшем, необходимо провести более детальное исследование данного говора в плане сравнения его с другими говорами бурятского языка. При этом было бы весьма желательно привлечь некоторые данные из других монгольских и тюркских языков.
